

Русистика и компаративистика. 2023. Вып. XVII. С. 143–155
Russian Philology and Comparative Studies. 2023. (XVII): 143–155

Научная статья

УДК 398.21; 82-34.

DOI: 10.25688/2619-0656.2023.11.09

ФОЛЬКЛОРНЫЙ КОНТЕКСТ ЛИТЕРАТУРНЫХ ВЕРСИЙ СКАЗКИ О КРАСНОЙ ШАПОЧКЕ

Сергей Викторович Алпатов

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия, alpserg@gmail.com, <http://orcid.org/0000-0003-2525-0287>

Ирина Витальевна Зайцева

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия, for_irina.97@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0007-6417-9061>

Аннотация: В статье проводится исследование компаративного аспекта фольклорно-литературных взаимодействий, нацеленное как на установление историко-генетических и синхронно-контекстуальных связей литературных версий сюжета ATU 333 Little Red Riding Hood с формами традиционной культуры, так и на выявление универсальных механизмов концептуализации реальности, а также общих стилевых приемов воплощения архетипической семантики и символики в фольклоре и литературе. Анализируемые мотивы инициации, каннибализма и побега от смертельно опасного противника находят системные соответствия в текстах несказочной прозы об испытаниях половозрелой молодежи, что помогает обособить базовые фольклорные и последующие литературные слои семантики популярного сюжета европейской сказки, в которой мифологический нарратив о символических формах женской инициации трансформируется в поучительную историю об опасностях взрослой жизни и последствиях собственной неосмотрительности.

Ключевые слова: Красная Шапочка, фольклор, литература, компаративистика.

Для цитирования: Алпатов С.В., Зайцева И.В. Фольклорный контекст литературных версий сказки о Красной Шапочке // Русистика и компаративистика: Сб. науч. трудов по филологии / Гл. ред. С.А. Васильев; отв. ред. И.Н. Райкова. Вып. XVII. М.: ИКД «Зерцало-М», 2023. С. 143–155 <https://doi.org/10.25688/2619-0656.2023.11.09>

FOLKLORE CONTEXT OF LITERARY TALES ABOUT LITTLE RED HOOD

Sergey V. Alpatov

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation, alpserg@gmail.com, <http://orcid.org/0000-0003-2525-0287>

Irina V. Zaitseva

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation, for_irina.97@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0007-6417-9061>

Abstract. The article is devoted to the study of the comparative aspect of folklore-literary interactions, aimed both at establishing genetic and contextual connections between literary and traditional versions of ATU 333 Little Red Riding Hood, and at identifying universal mechanisms for conceptualizing reality, as well as general stylistic techniques for embodying archetypal semantics and symbolism in folklore and literature. The analyzed motives of initiation, cannibalism and escape from the evil find regular correspondences in the texts of demonological prose about the trials of sexually mature youth, which helps to isolate the basic folklore and subsequent literary layers of the semantics of the popular plot of the European fairy tale: the mythological narrative about the symbolic forms of female initiation is transformed into an instructive story about the dangers of adult life and the consequences of one's own indiscretion.

Key words: Little Red Riding Hood, folklore, literature, comparative studies.

For citation: Alpatov S.V., Zaitseva I.V. (2023). Folklore context of literary tales about Little Red Hood. In: *Russian Philology and Comparative Studies: Collection of research papers*. Chief editor S.A. Vasil'ev; publishing editor I.N. Raikova. Vol. XVII. Moscow: Zertsalo-M. Pp. 143–155 (In Russ.). <https://doi.org/10.25688/2619-0656.2023.11.09>

© Алпатов С.В., 2023

© Зайцева И.В., 2023

Введение. Современные исследования фольклорно-литературных взаимодействий ориентированы не только на установление генетических, интертекстуальных и функциональных связей авторских произведений с формами традиционной культуры [Головин, Николаев 2013], но и на осмысление универсальных механизмов концептуализации реальности, а также общих стиливых приемов воплощения архетипической семантики и символики в фольклоре и литературе [Большакова 2012; Алпатов 2015]. В этой связи характерен неиссякающий интерес представителей разных гуманитарных дисциплин к сюжету народной и литературной сказки ATU 333

Little Red Riding Hood. Цель настоящей статьи — прояснить специфику фольклористического подхода к интерпретации ключевых мотивов и образов этого прецедентного текста *Weltliteratur*, установить их исконное значение в сфере традиционной культуры и последующие семантические деривации, обусловленные новоевропейским литературным и социокультурным контекстом бытования сюжета.

Проблемы методологии исследования. На ранних этапах изучения сказки о Красной Шапочке представители разных научных школ, опираясь на корреспондирующие варианты сборников Ш. Перро и братьев Гримм, стремились устранить зазор между очевидными развлекательно-дидактическими смыслами двух популярных версий сюжета и интуитивно ощущаемой глубиной его символического подтекста. Предложенная в первой половине XIX столетия учеными-мифологами календарная интерпретация исконной семантики сюжета (солнцеликое антропоморфное божество похищается либо избегает преследования темного тучевидного или звероподобного демона в циклической смене зимы и лета) была поддержана в начале XX века на новом уровне аргументации («красная шапочка» — розовый венок Королевы Мая) представителями ритуалистического направления [Saintyves 1923: 211–229]. Сходные идеи о связи германских и славянских сказочных персонажей, мифологических образов святочно-масленичного цикла и инициальных компонентов женской субкультурной коммуникации (мотивы ткачества, шитья, отбеливания холста, приготовления постели) разрабатывал А.А. Потебня в работе «О мифическом значении некоторых обрядов и поверий» (1865) [Потебня 2000: 92–328].

Иной взгляд на проблему глубинной семантики сюжета о Красной Шапочке предложили представители психоаналитического направления (Э. Фромм, Б. Беттельгейм, А. Дандес), для которых центральные мотивы телесного контакта и поглощения, а также символика красного цвета маркировали конфликты сознающего *эго* девочки-подростка со взрослой сексуальностью и табуированными для рациональной экспликации стереотипами коллективного бессознательного [Dundes 1989: 168–238].

Универсализирующий психоаналитический подход к истолкованию сказочной образности подвергался справедливой критике со стороны историков литературы, указывавших на специфические книжные и профессиональные аспекты генезиса вариантов Ш. Перро и братьев Гримм, а также на существование в мировой литературе иных жанровых реализаций данного мотивного комплекса, например, латинской притчи XI века “*De puella a lupellis seruata*” [Ziolkowski 1992]. Фольклористика второй половины XX столетия также поставила под сомнение адекватность единственного психологического ключа к разнородному корпусу европейских, африканских, китайских, японских и корейских сказок исследуемого сюжетного типа [Delarue, Ténéze 1957; Dundes 1989: 21–63; Tehrani 2013].

Еще одну линию фольклорно-литературных взаимодействий в массиве сказок о Красной Шапочке демонстрируют новейшие исследования процессов укоренения в устных локальных традициях авторских переводов сказок Ш. Перро на национальные языки: адаптация иностранного текста в фольклорной среде автоматически запускает механизм экспликации культурных универсалий [Симян 2018; Gogishvili 2023].

Проведенный обзор актуальных исследовательских подходов к интерпретации сюжета ATU 333 выявил системную интеграцию фольклористических методов на всех уровнях анализа структуры и семантики сказки. Вместе с тем ряд значимых мотивов (инициационные испытания, каннибализм) и образных деталей (символика цвета, способы избегания опасности героиней) нуждаются в детальном пересмотре, а выдвинутые ранее объяснения – в дополнительном обосновании.

Основная часть. Ранние записи «Красной Шапочки» представлены в двух печатных источниках: “Le Petit Chaperon rouge” опубликована в сборнике Ш. Перро “Histoires ou contes du temps passe” (1697); “Rotkäppchen” – в собрании братьев Гримм “Kinder- und Hausmärchen” (1812). Гриммы имели в своем распоряжении две версии от образованных информанток: сестры Жанетт и Мари Хассенпфлог принадлежали к семье горожан-гугенотов и были знакомы со сказками Перро. При совпадении основных эпизодов французской и немецкой истории последняя звучит оптимистичнее: проглоченных волком героиню спасает охотник, Красная Шапочка резюмирует, что никогда больше не станет уходить с большой дороги в лесу. Счастливый финал обусловлен, с одной стороны, влиянием сказки ATU 123 The Wolf and the Kids, а с другой – пьесы Л. Тика “*Leben und Tod des kleinen Rothkäppchens*” (1800) [Ziolkowski 1992: 552–553].

Инициация и сексуальность

Принято считать, что сюжет о «Красной Шапочке» бытовал в среде французских крестьян уже в конце Средних веков, а Ш. Перро переработал его в соответствии с моральными нормами светского общества XVII века, так что из сказки были убраны следующие выразительные и семантически нагруженные элементы: описание пути к дому бабушки, кровавое пиршество и постельная сцена [Jean 2007; Мельников 2015].

Двоякий мотив – материнского запрета сходить с тропинки и выбора дороги, предлагаемого волком, – реализуется в 35 устных французских вариантах типологически сходными формулами: «Какой дорогой ты хочешь пойти? Той, что по булавкам или по иголкам?» («по шипам или по иголкам», «по камешкам или по булавкам», «по ежевике или по камням», «по корням или по камням» и т. п.). Фрейдистская символика колющих и царапающих предметов, угрожающих девочке, не вызывает сомнений. Вместе с тем фольклористы указывают на корреляцию данной формулы с универсальным сказочным топосом мучительного пути героя, проходя-

шего инициацию (истирающего ноги в кровь, изнашивающего три пары железных сапог), с одной стороны, и на этнографические корни проницательной символики – с другой: навыки шитья составляли базовую часть воспитания девочек вообще, заработка на собственные украшения («на булавки») в частности и подготовки приданого в перспективе [Verdier 1997: 105–107]. Типологический характер символики шитья и ткачества подтверждается независимыми наблюдениями над сказочным и обрядовым материалом традиционной культуры восточных славян [Бернштам 1997; Щепанская 1999; Самойлова 2017].

Синтезируя результаты психоаналитического и фольклорно-этнографического анализа мотива «булавок и иголок», исследователи констатируют, что девушка, умеющая обращаться с атрибутами женского рукоделия, считается прошедшей экзамен на зрелость и готова справиться с трудностями самостоятельной жизни во всех ее аспектах: экономическом, сексуальном, социально-коммуникативном [Verdier 1997: 117]. Расширяя выводы до философско-антропологического уровня, ученые утверждают, что прохождение возрастной инициации не только закрепляет за молодой особой право на будущие статусы матери и бабушки, но и реализует общечеловеческий опыт познания границ мира и самопознания: “In the archaic mentality, the fence, the hedge, which separated the realm of wilderness from that of civilization did not represent limits which were insurpassable. On the contrary, this fence was even torn down at certain times. People who wanted to live within the fence with awareness had to leave this enclosure at least once in their lifetime. They had to have roamed the woods as wolves or ‘wild persons’. That is, to put it in more modern terms: they had to have experienced the wildness in themselves, their animal nature. In facing the werewolf and temporarily abandoning herself to him, the little girl sees the animal side of her self. She crosses the border between civilization and wilderness, goes beyond the dividing line to face death in order to live. Her return home is a move forward as a whole person. She is a wo/man, self-aware, ready to integrate herself in society with awareness” [Zipes 2012: 44–45].

Каннибализм

В народных французских вариантах сказки волк, опередив героиню, расчленил бабушку, а затем угощает девушку мясом и кровью пожилой родственницы. При этом Красная Шапочка игнорирует слова кошки, пытающейся открыть ей глаза на акт каннибализма. Типологически сходные мотивы встречаются в сказках ATU 334 Household of the Witch и ATU 480 The Kind and the Unkind Girls о тетке либо крестной, съедающей непослушную героиню (вариант финала – героиня слушается советов домашних обитателей и избегает опасности). Характерно присутствие в сказках указанных сюжетных типов мотивов прядения и шитья [Потебня 2000: 207–209], что позволяет современным исследователям увязать архаический

мифологический комплекс «пожирания ближнего» с центральной темой инициации и смены социального статуса, подразумевающей вытеснение представителей предыдущих поколений за пределы актуальной культурной и биологической зоны: “After the puberty motif of the pins, this phase of the story would then concern the girl’s acquisition of the capacity to procreate. Hence the motif of Little Red Riding Hood’s macabre meal can be understood in terms of feminine destiny played in three stages: puberty, motherhood, and menopause” [Verdier 1997: 110].

Бегство от оборотня

Ключевой инициационный мотив умерщвления и рождения в новом статусе реализуется в сюжете о Красной Шапочке в виде пошагового обнажения героини от оформлявших ее прежде одежд и постепенного узнавания новой реальности через ряд сенсорных открытий (мохнатые лапы, большие зубы и т. д.). Лиминальному облику европейского волка-оборотня (фр. “bzuu” или “loup-garou”) в восточноазиатских традициях соответствует тигр-людоед [Dundes 1989: 21–63], что позволяет констатировать архаичность всего комплекса обсуждаемых мотивов [Tehrani 2013]. Вместе с тем не следует видеть в европейской народной сказке позднего Средневековья (и тем более в ее литературно обработанных репликах XVII–XIX веков) простое хранилище окаменевших реликтов первобытной древности.

Не менее важно учитывать кросс-жанровые связи живых обрядовых практик, мифологических верований и сюжетов несказочной прозы, поддерживающих и актуализирующих архетипические модели волшебной сказки. Так, целый комплекс быличек о святочных испытаниях «молодечества» юношей и девушек построен на ситуации спора-соревнования: кто не побоится переночевать в лесной избушке / пойти в полночь в баню (взять камешек с каменки, дошить рубаху). В максимально благополучном («сказочном») варианте развития событий герой добывает себе невесту (выручает из иного мира обнаженную проклятую девушку, ждущую смельчака с комплектом из шейного креста, рубахи и пояса); в трагическом — неосмотрительная героиня гибнет, растерзанная демонами; в среднестатистическом — девушка бежит, оставляя в руках монстра платье/ девичью косу:

«Одна девка бесстрашная в баню пошла. “Я, говорит, в ней рубаху сошью и назад вернусь”. Пришла в баню, углей с собой взяла, а то ведь не видать ничего. Сидит и раздувает их. А полуночное время. Начала наскоро рубаху смётывать, смотрит, а в корчаге уголья маленькие чертенята раздувают и около нее бегают. Она шьет себе, а они уж кругом обступили и гвоздики в подол вколачивают. Вот она и начала помаленьку с себя рубаху спускать с сарафаном, спустила да в сшитой рубахе и выскочила из бани. Наутро взошли в баню, а там от сарафана одни клочья» [Садовников 2003: 230];

«Шли девки по малину, проходили погост. Увидали — лежат кости. А одна озорная и говорит:

— Кости, кости, приходите к нам в гости.

Ну на вечер в избу, где девки шили, и пришли парни. Незнакомые, неведомые и откуда незнамо. А все веселые, пряниками кормят, играют, дrolятся. Вот одна девка в красный угол отошла, под икону стала и видит, что зубы у их железны, а в сапогах кости. Она и говорит:

— Девушки, я до ветра пойду.

А парни ее не пускают. Она и говорит:

— Хоть косу дверьми прищемите, да пустите.

Они ей косу прищепили, а она косу срезала, да бежать...» [Карнаухова 2006: 246];

«Была деревня большая. В этой деревне много девок было. Ходят вечер, другой и третий — никто из парней к ним на беседу не идёт. Вот они промеж собой толкуют: “Хошь бы кто из озера пришёл на беседу!” Вот с вечера прикатило ребят к ним партия человек в двадцать. Все сдобные такие, с тальянками, при часах, в калошах, ну и давай поигрывать с девками. А у одной девки была принесена девочка маленькая, лет пяти-шести. Та сидела на печке и всё смотрела. Ну и стала звать эту девку:

— Нянька, иди сюда-то!

Вот ёна подошла. Она и указывает:

— Гляди-ко, нянюшка, глаза-то какие у них вдоль лица и зубы, как железные.

— Как бы нам ийти?

— А вот как: я буду проситься до ветру, а ты выведешь меня — в том время и уйдём.

Ну, маленько посидели. Эта девчонка и запросилась до ветру, а они не отпускают этой девки ийти с ней.

— Что вы, — говорит, — отпустите! Прищепите мне хоть сарафан в дверях, куда я не уйду.

Вот они взяли выпустили, прищепили подол в дверях, а она сейчас лямки скинула с плеч, ребёнка на плечи и давай бежать. <...> Утром хватились других девок мужики, никого домой нету. Направились туда. Пришли на беседу, а там только косьё да волосья — больше ничего нету» [Соколовы 1999: 327–328].

Тем самым характерный для устных европейских вариантов АТУ 333 образ героини, отпросившейся в туалет без одежды и с привязанной к ноге веревкой, реализует не только любезные сердцу психоаналитика универсальные сексуальные метафоры, но и присущие конкретной фольклорной традиции топосы. Кроме того, смазанные литературно обработанными версиями сюжета о Красной Шапочке возрастные характеристики героини подчеркнуто маркированы в аутентичных мифологических нар-

ративах: вовлеченные в эротические игры, взрослые девицы не способны разглядеть демоническую природу гостей, которая очевидна пятилетнему ребенку, видящему ситуацию извне и незамутненными страстью глазами.

Символика цвета

Характерно, что во многих аутентичных французских вариантах сказки на сюжет АТУ 333 у главной героини нет ее титульного атрибута. Появление красного головного убора у Ш. Перро ученые мотивируют по-разному: психоаналитики — как знак половозрелости героини; историки культуры — как реликт аристократической моды в простонародной среде. Одна из наиболее глубоких генетических линий связывает сказочную реалию с латинской притчей «Девочка, спасаемая от волков» (“De puella a lupellis servata”), созданной в 1023 году Эгбертом Льежским:

Quod refero, mecum pagenses dicere norunt,
Et non tam mirum quam ualde est credere uerum:
Quidam suscepit sacro de fonte puellam,
Cui dedit et tunicam rubicundo uellere textam.
Quinquagesima sancta fuit babtismatis huius,
Sole sub exorto quinquennis facta puella;
Progreditur uagabunda sui inmemor atque pericli,
Quam lupus inuadens siluestria lustra petiuit
Et catulis predam tulit atque reliquit edendam.
Qui simul aggressi, cum iam lacerare nequirent,
Ceperunt mulcere caput feritate remota.
‘Hanc tunicam, mures, nolite’, infantula dixit,
‘Scindere, quam dedit excipiens de fonte patrinus!’
Mitigat inmites animos deus, auctor eorum
[Egberts von Lüttich 1889: 232–233]

(Эту удивительную и достойную веры историю
Рассказали мне жители той деревни:
Тот, кто воспринял девочку от священного источника,
Дал ей тунику из красной ткани.
Крещение было в день Пятидесятницы,
Пять лет поутру исполнилось девочке.
Шла она бездумно, невзирая на опасности,
Волк, уловив ее, в лес утащил на съеденье волчатам.
Разом напали они, но не смогли растерзать;
Голову стали лизать, угасив свою ярость.
«Не троньте этой туники, мышата, — сказала малышка, —
Не рвите то, что я получила от своего крёстного!»
Бог, творец всех, умиряет свирепые души)
(перевод наш. — С.А., И.З.).

Хотя в собственном литературном творчестве Эгберт Льежский в основном ориентировался на библейские сюжеты и святоотеческие сочинения, он, несомненно, опирался и на устные локальные источники романо-германского пограничья, поскольку стремился, чтобы его притчи были узнаваемы народной аудиторией [Ziolkowski 1992: 556]. В истории Эгберта красный цвет крестильной одежды усиливает обережную функцию обретенного девочкой «плаща веры», коль скоро в Средневековье красный цвет ассоциировался с богатством и властью [Смирнова 2018].

Выводы. Общим местом современной науки является тезис о том, что популярные сказки Ш. Перро и братьев Гримм о Красной Шапочке принадлежат к европейскому подтипу сюжета ATU 333 Little Red Riding Hood, репрезентирующему вместе с восточноазиатским и африканским подтипами архаические мифоритуальные комплексы мотивов, связанные с темой инициации молодых девушек.

Поддержанные этнографическими реалиями и кросс-жанровой топикой живых локальных традиций позднего Средневековья и Нового времени, аутентичные фольклорные варианты регулярно сохраняют семантически нагруженные образы и сюжетные детали (дорога из иголок и булавок; канныализм; обнажение и побег героини; красный цвет головного убора), метафорически обозначающие приобщение взрослеющей девушки к миру взрослых и обретение ею необходимых для нового социального статуса инструментальных и коммуникативных навыков.

В свою очередь хорошо знакомые нам сегодня версии Ш. Перро и братьев Гримм представляют собой результаты литературной обработки фольклорного материала, произведенной одновременно в развлекательных и дидактических целях в соответствии с ожиданиями просвещенной читательской аудитории.

Вместе с тем популярность литературных версий традиционного сказочного сюжета невозможно объяснить только факторами просветительской модернизации его содержания и печатного тиражирования авторских текстов. Следует думать, что реконструируемые совместными усилиями фольклористов, психологов, историков литературы и культуры архетипические смыслы сюжета ATU 333 Little Red Riding Hood не только интуитивно «считываются» самой широкой аудиторией, но осознанно эксплуатируются творцами современной авангардной и массовой культуры.

Источники

Карнаухова И.В. Сказки и предания Северного края. СПб.: Тропа Троянова, 2006. 560 с.

Потебня А.А. Символ и миф в народной культуре. М.: Лабиринт, 2000. 480 с.

Садовников Д.Н. Сказки и предания Самарского края. СПб.: Тропа Троянова, 2003. 450 с.

Соколов Б.М., Соколов Ю.М. Сказки и песни Белозерского края. СПб.: Тропа Троянова, 2006. 560 с.

ATU – Uther H.-J. The Types of International Folktales. Helsinki, 2004. Vol. I–III.

Delarue P., Ténèze M.-L. Le Conte populaire francais: Catalogue raisonné des versions de France et des pays de langue française d'outre-mer: Canada, Louisiane, îlots francais des États-Unis, Antilles Françaises, Haiti, Île Maurice, La Réunion. T. 1. Paris: Erasme, 1957. 394 p.

Egberts von Lüttich. Fecunda ratis / Ed. E. Voigt. Halle an der Saale: Max Niemeyer, 1889. 514 p.

Saintyves P. Les contes de Perrault et les récits parallèles. Leurs origines (coutumes primitives et liturgies populaires). Paris: Nourry, 1923. 646 p.

Литература

Алпатов С.В. Топосы в системе интертекстуальных связей фольклора и литературы Нового времени // Традиционная культура: научный альманах. 2015. № 3. С. 90–101.

Бернштам Т.А. «Хитро-мудро рукодельице»: вышивание-шитье в символизме девичьего совершеннолетия у восточных славян // Женщина и вещественный мир культуры у народов России и Европы. Сборник МАЭ. Т. 47. СПб., 1999. С. 191–250.

Большакова А.Ю. Теория архетипа и концептология // Культурологический журнал. 2012. № 1. С. 1–11.

Головин В.В., Николаев О.Р. «Узелковое письмо» фольклоризма: прагматика литературно-фольклорного взаимодействия в русских литературных текстах Нового времени // Навстречу Третьему Всероссийскому конгрессу фольклористов: Сборник научных статей. М.: Государственный республиканский центр русского фольклора, 2013. С. 16–54.

Мельников А.Ю. Сказка про Красную Шапочку: три века заблуждений // Обратни и оборотничество: стратегии описания и интерпретации. Материалы Международной конференции. М.: РАНХиГС, 2015. С. 51–56.

Самойлова Е.В. Женские рукоделия в контекстах восточнославянских сказок // Традиционная культура: научный альманах. 2017. № 3. С. 84–96.

Симян Т.С. О типологическом сюжете Красной Шапочки в европейском и армянском контекстах // Сюжетология и сюжетография. 2018. № 2. С. 111–127.

Смирнова Е.Д. Знаки средневековых сословий: цвет костюма и его символика // Образование и наука в XXI веке – 2017. Ежегод. сб. научных трудов. Минск: БГПУ, 2018. Вып. 1. С. 139–143.

Щепанская Т.Б. Пронимальная символика // Женщина и вещественный мир культуры у народов России и Европы. Сборник МАЭ. Т. 47. СПб., 1999. С. 149–190.

Dundes A. *Little Red Riding Hood: A Casebook*. Madison: The University of Wisconsin Press, 1989. 251 p.

Gogiashvili E. The Relationship between Translated Fairy Tales and Oral Narrative Tradition: Charles Perrault's Contes in Georgian Folklore // *Translation Studies: Theory and Practice*. 2023. № 1. Pp. 27–37.

Tehrani J.J. The Phylogeny of Little Red Riding Hood // *PLoS ONE*. 2013. 8 (11). Article e78871. URL: <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0078871> (дата обращения: 30.10.2023).

Jean L. Charles Perrault's paradox: how aristocratic fairy tales became synonymous with folklore conservation // *Trames*. 2007. № 3 (11). P. 276–283.

Verdier Y. Little Red Riding Hood in Oral Tradition // *Marvels & Tales: Journal of Fairy-Tale Studies*. 1997. Vol. 11. № 1–2. P. 101–123.

Ziolkowski J.M. A Fairy Tale from before Fairy Tales: Egbert of Liège's "De puella a lupellis seruata" and the Medieval Background of "Little Red Riding Hood" // *Speculum*. 1992. Vol. 67. № 3. P. 549–557.

Zipes J. *Fairy Tales and the Art of Subversion*. New York: Routledge, 2012. 288 p.

References

Istochniki

Delarue P., Ténèze M.-L. (1957). *Le Conte populaire français: Catalogue raisonné des versions de France et des pays de langue française d'outre-mer: Canada, Louisiane, îlots français des États-Unis, Antilles Françaises, Haiti, Île Maurice, La Réunion*. T. 1. Paris, Erasmie. 394 p.

Egberts von Lüttich (1889). *Fecunda ratis* / Ed. E. Voigt. Halle an der Saale: Max Niemeyer. 514 p.

Karnaukhova I.V. (2006). *Skazki i predaniya Severnogo kraya* [Fairy tales and legends of the Northern region]. Sankt-Petersburg: Tropa Troyanova. 560 p.

Potebnya A.A. (2000). *Simvol i mif v narodnoy kul'ture* [Symbol and myth in folk culture]. Moscow: Labirint. 480 p.

Sadovnikov D.N. (2003). *Skazki i predaniya Samarskogo kraya* [Fairy tales and legends of the Samara region]. Sankt-Petersburg: Tropa Troyanova. 450 p.

Saintyves P. (1923). *Les contes de Perrault et les récits parallèles. Leurs origines (coutumes primitives et liturgies populaires)*. Paris: Nourry. 646 p.

Sokolov B.M., Sokolov Yu.M. (2006) *Skazki i pesni Belozerskogo kraya* [Fairy tales and songs of the Belozersky region]. Sankt-Petersburg: Tropa Troyanova. 560 p.

Uther H.-J. (2004). *The Types of International Folktales*. Helsinki. Vol. III.

Literatura

Alpatov S.B. (2015). *Toposy v sisteme intertekstual'nykh svyazey fol'klora i literatury Novogo vremeni* [Topoi in the system of intertextual connections of folklore and literature of the New Age]. In: Traditsionnaya kul'tura: nauchnyy al'manakh. № 3. Pp. 90–101. (In Russ.)

Bernshtam T.A. (1999). “*Khitro-mudro rukodel'itse*”: vyshivaniye-shit'ye v simvolizme devich'yego sovershennoletiya u vostochnykh slavyan [“Cunningly wise needlework”: embroidery and sewing in the symbolism of girlish coming of age among the Eastern Slavs]. In: Zhenshchina i veshchestvennyy mir kul'tury u narodov Rossii i Yevropy (Sbornik MAE. Vol. 47). Sankt-Petersburg. Pp. 191–250. (In Russ.)

Bolshakova A.Yu. (2012). *Teoriya arkheta i kontseptologiya* [Archetype theory and conceptology]. In: Kul'turologicheskiy zhurnal. № 1. Pp. 1–11. (In Russ.)

Golovin V.V., Nikolaev O.R. (2013). “*Uzelkovoye pis'mo*” fol'klorizma: pragmatika literaturno-fol'klornogo vzaimodeystviya v russkikh literaturnykh tekstakh Novogo vremeni [“Knot letter” of folklorism: pragmatics of literary-folklore interaction in Russian literary texts of the New Age]. In: Navstrechu Tret'yemu Vserossiyskomu kongressu fol'kloristov. Sbornik nauchnykh statey. Moscow: GRCRF. Pp. 16–54. (In Russ.)

Melnikov A.Yu. (2015). *Skazka pro Krasnuyu Shapochku: tri veka zabluzhdeniy* [The Tale of Little Red Riding Hood: Three Centuries of Misconceptions]. In: Oborotni i oborotnichestvo: strategii opisaniya i interpretatsii. Materialy Mezhdunarodnoy konferentsii. Moscow: RANEPА. Pp. 51–56. (In Russ.)

Samoilova E.V. (2017). *Zhenskiye rukodeliya v kontekstakh vostochnoslavianskikh skazok* [Women's handicrafts in the contexts of East Slavic fairy tales]. In: Traditsionnaya kul'tura: nauchnyy al'manakh. № 3. Pp. 84–96. (In Russ.)

Simyan T.S. (2018). *O tipologicheskom syuzhete Krasnoy Shapochki v yevropeyskom i armyanskom kontekstakh* [On the typological plot of Little Red Riding Hood in European and Armenian contexts]. In: *Syuzhetologiya i syuzhetografiya*. № 2. Pp. 111–127. (In Russ.)

Smirnova E.D. (2018). *Znaki srednevekovykh sosloviy: tsvet kostyuma i yego simvolika* [Signs of medieval classes: the color of the costume and its symbolism]. In: *Obrazovaniye i nauka v XXI veke – 2017*. Annual. Minsk: BSPU. Is. 1. Pp. 139–143. (In Russ.)

Shchepanskaya T.B. (1999). *Pronimal'naya simvolika* [Pronimal symbolism]. In: *Zhenshchina i veshchestvennyy mir kul'tury u narodov Rossii i Yevropy* (Sbornik MAE. Vol. 47). Sankt-Petersburg. Pp. 149–190. (In Russ.)

Dundes A. (1989). *Little Red Riding Hood: A Casebook*. Madison: The University of Wisconsin Press. 251 p.

Gogiasvili E. (2023). The Relationship between Translated Fairy Tales and Oral Narrative Tradition: Charles Perrault's Contes in Georgian Folklore. In: *Translation Studies: Theory and Practice*. № 1. Pp. 27–37.

Jean L. (2007). *Charles Perrault's paradox: how aristocratic fairy tales became synonymous with folklore conservation*. In: *Trames*. № 3 (11). Pp. 276–283.

Tehrani J.J. (2013). *The Phylogeny of Little Red Riding Hood*. In: *PLoS ONE*. 8 (11). Article e78871. URL: <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0078871>

Verdier Y. (1997). *Little Red Riding Hood in Oral Tradition*. In: *Marvels & Tales: Journal of Fairy-Tale Studies*. Vol. 11. № 1–2. Pp. 101–123.

Ziolkowski J.M. (1992). *A Fairy Tale from before Fairy Tales: Egbert of Liège's "De puella a lupellis seruata" and the Medieval Background of "Little Red Riding Hood"*. In: *Speculum*. Vol. 67. № 3. Pp. 549–557.

Zipes J. (2012). *Fairy Tales and the Art of Subversion*. New York: Routledge. 288 p.

Сведения об авторах

Алпатов Сергей Викторович – доктор филологических наук; Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова; филологический факультет; кафедра русского устного народного творчества; заведующий кафедрой; научные интересы: фольклористика, медиевистика, сравнительное литературоведение.

Зайцева Ирина Витальевна – Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова; филологический факультет; кафедра русского устного народного творчества; аспирант; научные интересы: фольклористика, сравнительные и гендерные исследования.

Вклад авторов: авторы внесли эквивалентный вклад в публикацию.

Information about the authors

Sergey V. Alpatov – Doctor of Philology; Lomonosov Moscow State University, Faculty of Philology, Head of the Folklore Department; scientific interests: folkloristics, medieval studies, comparative literature studies.

Irina V. Zaitseva – Lomonosov Moscow State University, Faculty of Philology, the Folklore Department; postgraduate student; scientific interests: folkloristics, comparative and gender studies.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.